

Подборка стихов Аркадия Кряжимского

Здесь небольшая подборка из девяти стихотворений моего отца, которые, на мой взгляд, отражают разные тематики, интересовавшие его, и развитие его творчества. В 80-х и 90-х годах отец писал, в основном, песни под гитару (которые сам и исполнял в кругу семьи, друзей и коллег), и только позднее перешёл на написание стихов как таковых. Главными источниками его творчества стали исторические события («Боинг», 1985 г.; «Рассказ 30-ых годов», 1996 г.), любимые произведения искусства («Смерть комиссара», 1990 г.), истории и зарисовки из жизни («Мимо», 1998 г.; «То фото», 2002 г.; «Пришелец», 2014 г.), а также его ощущения от происходящего в стране («Измена», 1990 г.; «Мигрантам», 1990 г.; «Липкое», 2013 г.).

Сергей Кряжимский

Ноябрь 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение «Боинга»	2
Смерть комиссара	3
Измена	4
Мигрантам	5
Рассказ 30-х годов	6
Мимо	7
То фото	8
Липкое	9
Пришелец	10

ВОЗВРАЩЕНИЕ «БОИНГА»

И опять возвращаются те отдалённые сбои,
и опять вырастает тот старый, забытый мираж:
в бесконечном сомненьи взмывающий медленный «Боинг»,
на форсаже, внаклон начинающий первый вираж.

Да, дела наши в норме, особо никто не расстроен,
только вновь начинает, смещая свой страшный тоннаж,
начинает разгон этот стонущий медленный «Боинг»,
выбирая бетонный, бетонный, бетонный, бетонный метраж.

Из-за края земли тянет, тянет опять непокоем,
возвращает тот старый, как будто забытый мираж –
всё о том, как когда-то на взлёт под рассвет вышел «Боинг»,
из-за края земли на форсаже гоня на разгон фюзеляж.

1985 г.

СМЕРТЬ КОМИССАРА

По картине «Смерть комиссара» Кузьмы Петрова-Водкина

Встал отряд в тягучей пыли,
постоял.
Комиссара подстрелили:
шёл – упал.

Шли. Тянулась голубая
всё земля,
да летела тут шальная
за поля.

И опять пошла дорога,
что ж, что кровь?
Комиссаров было много,
будут вновь.

Ну, а он, в своей кожанке,
позади
шёл один, и было жалко,
что один.

Шёл к земле, тихонько тая,
сверху вниз,
не увидя – так желая! –
коммунизм.

Всё туда, где флаг отрядный,
гнал он взгляд.
По земле, такой нарядной,
шёл отряд.

1990 г.

ИЗМЕНА

В замке вскрылась измена. Под вечер, вчера,
кто-то тайно ушёл за ворота.
Вот, собрались – стоять и молчать до утра,
жечь камин и придумывать что-то.
За бойницами бьёт мокрота, чернота.
Ветер ткётся из плачей и смехов.
Тот – ушёл. Где-то тащится там по кустам,
без коня, без копья, без доспехов.
Он всю жизнь положил в этих серых камнях,
в этих ветром обложенных башнях.
Он сражался, служил и терпел не за страх,
а за веру, бессменно, бесстрашно.
Кто-то вспомнил: в дозоре был, с той стороны,
тоже дождь лил, и выла собака.
Так не бдил в черноте, а стоял у стены,
как потерянный, медленно плакал.
Что ж им делать? Какие им звать божества?
Где искать им начало измены?
Нет того удалого, бывшего родства!
Только башни, бойницы и стены.
Ветер мечется. Угли в камине горят.
Тени ломано скачут по кругу.
И они, в старом замке, стоят и стоят...
И молчат. Не глядят друг на друга.

1990 г.

МИГРАНТАМ

Приходит, пожалуй, пора собирать чемоданы.
Вот, жили и жили, болели, ходили в кино.
Но, кажется, скоро, позавтракав утречком рано,
в последний разочек вы глянете в это окно.
А будет зима и, наверно, простужены дети,
и комнаты будут неделю пусты и чужи,
и будете знать и не знать, так за что ж вы в ответе
и кто проложил нежеланные те рубежи.
Присядете, в шубах уже, у двери на дорожку,
поставив на прошлом с несбывшимся будущим крест,
оставив на кухне упавшую чайную ложку,
приникнув к дыханью чужих, нестроенных мест.
Неважно уже, что ж, когда ж это вы проглядели.
Ключи отдадите, усядетесь тесно в такси...
А сколько дано вам бежать по железной метели,
не скажет никто вам.
Поехали.
Бог вас спаси.

1990 г.

РАССКАЗ 30-х ГОДОВ

Реальный рассказ бывшего шофёра

Подъехал, как надо, заранее. Здоровое здание!
Темно уж. Акации... Радио мается где-то...
Курю, а в затылке маячит, маячит заданье.
И жаль, что такое хорошее выпало лето.

Ну, вижу, выходит. Из левого, точно, подъезда.
«Чего ж не Петров?» «Приболел он, его заменяю.»
Сел рядом. «Ну, дуй! Час даю. Знаешь схему проезда?»
Эх, думаю, знал бы ты, дяденька, то, что я знаю!

Поехали. Арка, проулок, проспект – и по газу!
Пустёхонько! Чуть ветерок... Чертовски как славно!
Ха, парочка! В фары плеснула и сгнула сразу.
Вокзал, стадион... Тут уж город кончается плавно.

Молчу. Он молчит. Глухота... Ни двора, ни сарая.
Пора! Там сворточек был. Тормознул, щёлкнул фары.
Молчит он. Уж понял, конечно, что – всё, что – у края.
В парадном костюме. Лет сорок, наверное, не старый.

А я? Это ж было моё уж не перовое дело.
Что я? Не могу! Что-то случилось со мною, не знаю.
Достал я наган. И кладу. Между нами. Он – белый.
«Иди», говорю. Отвернулся, «Казбек» вынимаю.

Не помню я, сколько стоял. Помню небо, и ветки,
и ёлки, и там, на поляне, сосну с лунным нимбом.
А лист – то уйдёт, то вернётся под лунные метки...
Ушёл он. И дал мне неслышное слово «спасибо».

1996 г.

МИМО

Не подал я вида, не двинул руки,
отсёк узнающий взгляд.
А он шёл... куда?... Угол, грузовики,
какие-то двое стоят...

И всё. И минуло. Был вечер, шёл дождь.
Гудел и мигал вокзал.
А он уходил, знал я, намертво прочь,
хоть, может, меня и узнал.

Эх, были, да, были денёчки-деньки!
Безмерные, как океан...
Поленницы, лестницы, чердаки,
крапива, полынь, бурьян...

Сноп фар! Тротуар! Светофор! Поворот!
Троллейбус! Метро! Трамвай!
А он?.. Без меня он куда-то идёт...
Куда?.. А попробуй узнай!

И снова тот сон: в ледяную шугу,
сбиваясь, скользя, семеня,
к нему я, к нему – бесконечно – бегу!..
А он всё не видит меня.

1998 г.

ТО ФОТО

Достану то фото.
Вот: дачка и сад.
А дядя и тётя
вон, справа, сидят.
Тень, светлые пятна,
четыре часа,
со смехом, невнятно
сквозят голоса.
Винцо на скатёрке...
Год длинных ножей.
Ночами приходят,
отчёркивают по спискам уже –
стук в дверь – и без вести.
– А ну-ка, друзья,
на фото, все вместе!

– Пойдите! А – я?

2002 г.

ЛИПКОЕ

Тянется, липкое всё такое, хлипкое всё такое д'вязкое...

Эх ма!

Неладно в королевстве-то нашем... ик!.. датском,
скоро, небось, хана.

Э, а загрузим пока что пузо!

Чего ждть?..

А красотища какая на небе-то, в вечер нежнейший, предлетний погруженном!

Что пить остаётся... пить, жрать, момент смаковать.

Что ж, и пойдём – с утраца на смешную работу.

Снуло, приспущенно, ну, как всегда.

Ну, и придут. И ответят на наше «кто там»

«вам туда».

2013 г.

ПРИШЕЛЕЦ

Только-то – вытуженные пелёночки,
чепчик, подгузнички и распашоночки –
нужно ему – только-только из хроноса,
грозного, чёрного космоса хромосом.

А мегаполисы, Штаты и Индии,
бары и банки, воздушные линии,
залы музейные (тайные, странные),
суперкомпьютеры, чувства спонтанные?..

Тучи крутящие, солнца всходящие,
ветры сквозящие, нервы искрящие,
споры, сомненья, работа бессменная?..
Скоро раскроется эта вселенная.

Беспрецедентной загруженный миссией,
сам, сам-один, в спазмах срыгивая и писая,
цепко, упрямо скользя в приземлении,
он расширяет глаза в изумлении.

2014 г.